

Питирим Сорокин и его теория социальных изменений

Две работы, посвященные социальной мобильности, оказали наибольшее влияние на последующих исследователей – «Социальная мобильность» П.Сорокина и «Социальная мобильность в индустриальном обществе» С.Липсета и Р.Бендикса. Первая была написана в 1927 году, вторая – в 1959. Удивительный факт, но Липсет и Бендикс, идя по стопам Сорокина и фактически повторяя многие из положений его концепций, не считали себя обязанными ссылаться на его работу. Было бы, разумеется, неверно предполагать, что Липсет и Бендикс не были знакомы с работой своего непосредственного предшественника. Сорокин немало повлиял на американскую социологию и в персональном плане, формируя школу последователей, и в теоретическом, чтобы какой-либо известный ученый, тем более специализирующийся на проблеме мобильности, был не знаком с его вкладом в данную развитие данной темы. Речь идет о сознательном игнорировании, своего рода бойкоте Сорокина некоторыми из американских социологов последующего поколения. Возникает вопрос, в чем причина такого неприятия? Нельзя исключать, что сыграли свою роль неприязненные отношения между Сорокиным и его учеником Т.Парсонсом, приведшие к тому, что, став руководителем факультета социальных наук Гарварда, Парсонс приложил немало усилий для того, чтобы удалить Сорокина из числа преподавателей¹. Липсет и Бендикс были последователя Парсонса, поддерживали основные положения развитой им теории структурного функционализма. Но все же более вероятной причиной игнорирования представляются широкие мировоззренческие расхождения между П.Сорокиным и мейнстримом американской социологии того времени. Американская социология, в теоретических основаниях и прикладных работах, исходила из общей для нее и большинства европейских социологических школ идеи прогресса. В основе этой идеи лежит представление об обществе как постоянно прогрессирующей социальной системе. Различия между Спенсером и Марксом, лежащими поблизости друг от друга на Хайгетском кладбище в Лондоне, не столько в общих подходах, сколько в способах описания процесса. Для

¹ Джонстон Б. Сорокин и Парсонс в Гарварде: институтский конфликт и происхождение ведущей традиции // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 1995, N 2-3

Спенсера прогресс – это постоянное усложнение и дифференцирование организмов, включая организмы социальные. Для Маркса это - переход от более низких формаций к более высоким, располагающим более развитыми производственными силами и, соответственно, более продвинутыми социальными отношениями. Идея прогресса отлично прижилась на американской почве, с одной стороны ее позиции укреплял динамичный характер американского общества, с другой – приверженность значительной части американской элиты и населения идеям консервативного мессианизма, ставящего США выше других общества, характеризующего американского общества как «сбывшуюся утопию» (Ш.Айзенштадт), то есть венец поступательного развития всего человечества.² Наиболее яркое доказательство этого, по мнению Айзенштадта, - это программы протестных движений в Европе и США. Если в Европе большая часть протестных движений на протяжении последних двух столетий выдвигала идею радикального переустройства общества, то в США протест носил, как правило, охранительный характер. Большинство движений выдвигало лозунги сохранения и защиты основополагающих принципов, на которых зиждилось американское общества – принципов свободы, индивидуализма и самоорганизации ради целей, важных для общества в целом. Эта характеристика относилась не только к движениям белого большинства, но и черного меньшинства. Достаточно вспомнить, что Мартин Лютер Кинг, говоря о чаяниях чернокожих американцев, выступал, прежде всего, за то, чтобы «обналичить чек свободы», который выписали всем американцам основатели американского государства.

Такова была интеллектуальная среда, в которой оказался П.Сорокин после прибытия в США. Его собственный опыт, интеллектуальный «габитус» были иными. В мировоззрении Сорокина с отчетливостью запечатлелась религиозная, экклезиастическая идея повторения всего сущего, вечного возвращения к истокам, отрицающая существование «под луной» чего бы то ни было нового, неизведанного. Эта же идея, кстати говоря, характерна и для друга Сорокина – экономиста Н. Кондратьева и разработанной им концепции экономических циклов.

Второй составляющей его опыта, органически наложившейся на теорию циклов, стали

² Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999; S.N. Eisenstadt, *European Civilization in a Comparative Perspective. A Study in the Relations Between Culture and Social Structure* (Oslo: Norwegian University Press, 1987).

впечатления от русских революций, сначала февральской, потом октябрьской. Сорокин всю жизнь оставался, - не мог не оставаться в силу своих политических взглядов, - врагом большевизма и подпирательной его марксистской идеологии. Объектом критики он сделал не просто утверждения Маркса о приближении социализма, но и сами прогрессистские основания его концепции. «Для социологии и социальной философии XIX века, - писал он в работе «Социальная и культурная динамика» - показательны общие теории социальной динамики Тюрго, Кондорсе, Бурдена, Сен-Симона, Конта и теория эволюции Герберта Спенсера. Для Конта весь исторический процесс есть последовательный переход человеческого мышления, культуры и общества от теологической стадии к метафизической и затем к позитивной. Поэтому «социальная динамика» Конта вряд ли может иметь дело с какими-либо повторяющимися социокультурными процессами, она целиком посвящена выведению и подтверждению его «закона трех стадий». «Социальная динамика» Спенсера представляет собой простое приложение его формулы эволюции-прогресса, согласно которой весь социокультурный универсум переходит со временем из состояния неопределенной бессвязной однородности в состояние определенной согласованной разнородности с растущей дифференциацией и интеграцией человеческой личности, культуры и общества.

Находясь во власти таких линейных представлений о социо-культурном изменении, большинство социологов и ученых-обществоведов XIX века сводили изучение динамики социо-культурных явлений даже в чисто фактографических исследованиях главным образом к выявлению и определению различных линейных тенденций, последовательных стадий развития, исторических тенденций и законов эволюции исследуемых явлений. В результате большинство открываемых ими «единообразия изменения» приобретало линейный характер. Вот лишь несколько тому примеров. Теория Фердинанда Тенниса, согласно которой человечество со временем переходит от объединений типа *Gemeinschaft* к объединениям типа *Gesellschaft*, является линейной теорией. Теория постепенной эволюции от общества, Основанного на «механической» солидарности, сопровождающейся заменой «репрессивного» права «реститутивным», тоже линейная теория. К разряду линейных относится и социальная динамика Лестера Ф.Уорда, постулирующая нарастающий с течением времени телеологический, кругообразный, искусственный, самонаправляющийся и самоконтролирующийся характер человеческой адаптации; и динамика «убывающего влияния физических законов и

возрастающего влияния психических законов” Г.Т.Бокля; и законы перехода обществ от “простых” к “составным” (“двух-”, “трехсоставным” и т.д.) Герберта Спенсера и Дюркгейма.»³

Упомянутым социологам и философам Сорокин противопоставлял ученых, подчеркивавших момент постоянства и повторения в изучавшихся предметах – Парето, Торндайка, Блюхера, Томаса и других. Ученые настоящего, полагал Сорокин, явным образом пренебрегают циклическим аспектом социальных изменений, не менее значимым, чем обретение нового. Причиной того стал «материалистический», позитивистский подход к изучаемому предмету, возобладавший в социологии. Своей популярностью он был обязан желанию ученых-обществоведов стать вровень с учеными-естественниками, взять на вооружение используемые ими методы. Между тем, подчеркнутый материализм ученых-обществоведов – это нечто иное, как заблуждение. «Нематериальные» факторы оказывают не менее значительное влияние на причинно-следственные связи в обществе, чем факторы материальные, объективные. Раса, к примеру, может иметь огромное значение в обществе, где расовые различия рассматриваются как значимые и быть совершенно незначимой в том обществе, где подобные различия в ценностном плане оцениваются как не имеющие значения. «Нематериальные факторы» - это, как правило, более устойчивая реальность, чем материальная сторона жизни. Идеи важнее, чем изменения, происходящие в материальном мире, чем, к примеру, рост уровня жизни, возвышение или падение политических партий или целых социальных групп. Характеризуя мир идей как основополагающий, Сорокин находился в русле платонизма, объявлявшего материальный мир преходящим, а мир идей – более устойчивым, первичным.

Социологи, полагал Сорокин, ищут в общественной жизни новое, но эти поиски сфокусированы на материальных условиях жизни. Они считают, что наблюдают новое состояние общества, однако на самом деле они фиксируют состояния, которые уже случались в прошлом, а возможно еще будут случаться. Между тем, существует еще и другая, не всегда проявленная сторона реальности, которая раскрывается в идее повтора и возвращения. Эта цикличность проявляется эволюции общества на оси,

³ Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель. 2006. С.56-57

характеризуемой двумя ключевыми точками – полным господством идей трансценденции и замыканием человека познающего в мире чувственных впечатлений. Первый тип общества, по Сорокину, идеациональный, его примером являются общества, где «единство с Богом становится высшей целью», а материалистическая сторона жизни отрицается. Идеалистический тип общества знаменует собой переход от полного господства трансценденции к промежуточной фазе, где сакральное и профанное сосуществуют в одном мировоззренческом космосе (средневековая Европа (11-14 век)). Далее неизбежностью станет вступление общества в фазу господства культуры, ставящей чувственные формы познания выше всех других.

Для каждого из названных обществ характерны свои доминанты, вокруг которых формируется система неравенства. В первом обществе паства собирается вокруг великих «аватаров», духовных вождей, меняющих облик мира. Это – герои «осевого» (по Ясперсу) времени, когда возникали мировые религии, а по дорогам Европы шли толпы паломников, ищущих встреч с пророками и святыми. В те времена материальные условия жизни значили для многих много меньше, чем поиск спасения или истины.

Во втором случае разные измерения сосуществуют, влияя друг на друга. В обществе третьего типа социальная структура складывается исключительно под влиянием факторов материального плана. В этой культуре героем становится изгнанный из храма меняла, бизнесмен, строитель, созидатель материальных основ мира. Социальная структура становится структурой «среднего класса» и чем он больше, тем более успешной она считается. Но этот тип общества обречен, поскольку разрушает базовые ценности, обнажает неспособность решить те проблемы, которые невозможно решить материальной культурой – проблему рождения и смерти, прихода и ухода человека в этот мир. Материальная цивилизация, в силу уязвимости, изменчивости материального мира, обречена погибнуть. Она, полагал Сорокин, вооружена против грядущих катаклизмов гораздо хуже, чем цивилизации, подкрепляемые вдохновляющими людей идеями: «Это означает, что только те культурные формы, которые интегрированы в одну чувственную форму, могут разрушиться, что, собственно, мы и наблюдаем. Правда, эти явления безусловно составляют основной массив культуры Запада, однако, тем не менее, они охватывают не все социо-культурные феномены, составляющие эту культуру как единое

целое. Не интегрированные в чувственную культуру компоненты могут продолжить свое существование и даже успешно функционировать».⁴ Цивилизация, считает Сорокин, благодаря тому, что состоит из разных компонент, обладает гораздо большей устойчивостью, чем утверждают «гробовщики культуры», замечая лишь печальную судьбу материальных артефактов цивилизационной жизни. По мнению Сорокина, ни одна из цивилизаций не обладает способностью жить вечно, но залог повторения заключен в том, что, уходя, уступая место новому устройству общественной жизни, старая цивилизация оставляет в его лоне наиболее устойчивые из своих образцов. Цивилизации, базировавшиеся на идеациональных культурах, ушли в прошлое, но оставили будущей чувственной цивилизации свои культурные матрицы. Это – священные тексты, жития героев прошлой эпохи, артефакты культуры, идеи, витающие в воздухе, готовые быть подхваченными тем, кто устал от бесплодного потребления. Сорокин полагал, что духовная матрица культуры, хранящая образцы прошлого, станет той основой, на которой начнет свое строительство идеациональная цивилизация будущего. Это строительства вряд ли станет легким делом: переход от одной цивилизации к другой свершается тяжкими трудами и немалыми жертвами. Эти переходы, полагал Сорокин, случаются крайне редко, но в сравнении с ними изменения подобные революциям, изменениям политических форм правления – это только малые социальные сдвиги. Очевидно, что Сорокин был одним из тех, кто приветствовал этот переход. Оказавшись в обществе, демонстрировавших наиболее продвинутые образцы потребления, Сорокин, в отличие от многих других иммигрантов-социологов (таких, как С.Липсет, который стал одним из сторонников неоконсервативной идеологии), не стал в ряды тех, кто считал его непререкаемым образцом. В этом смысле он был больше похож социологов Франкфуртского института социальных наук, нашедших в США убежище от тоталитарной диктатуры. Они, также как и Сорокин, видели подлинную эмансипацию человека в обществе, преодолевшем соблазн потребительства, создающем основы для раскрытия социальной сущности человека, в тенденциях гуманизации общественной жизни (Эрих Фромм). Разумеется, такие идеи не могли получить широкой поддержки в обществе, в котором культивировалась идея «воплощенной утопии». Парадоксальным образом критическая социология Сорокина, базировавшаяся на идее цивилизационных циклов,

⁴ Сорокин П. Кризис нашего времени. М.: ИСПИ РАН. 2009. С.108.

оказалась на периферии американской социологической мысли. Он оставался в ней видной фигурой, почитаемым мэтром, но его идеи не имели серьезной поддержки в американском научном сообществе, переживавшем в этот момент увлечение функционалистской парадигмой. П.Сорокин дорожил признанием на своей новой родине, но при этом по убеждениям оставался верен российской традиции «антиматериализма», верил в том, что мир материального благополучия, воплощенный в американском идеале, - такая преходящая фаза эволюции цивилизации, как и то, что происходило на исторической родине, в России.